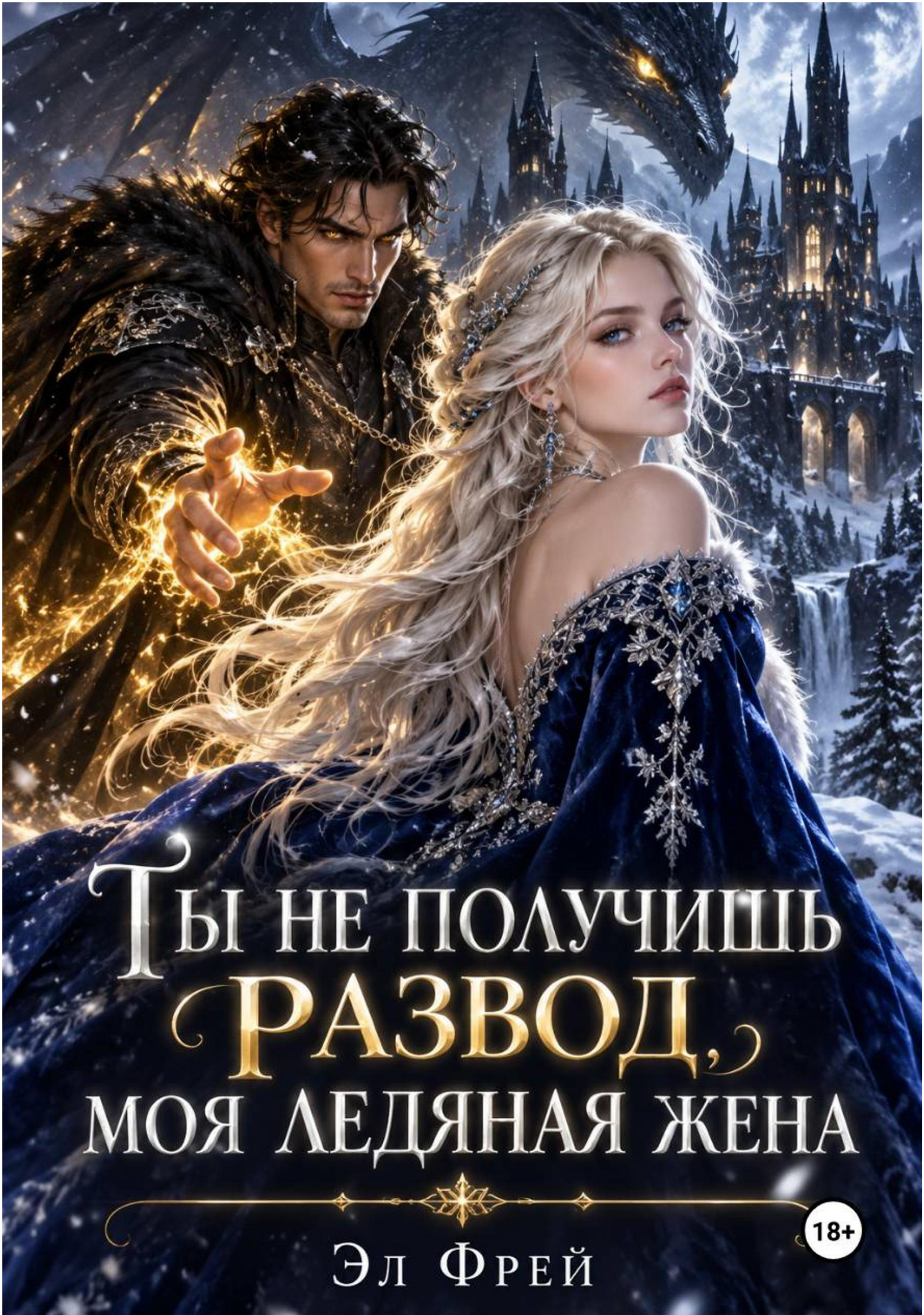
Ты не получишь
развод,
моя ледяная жена
18+
Эл Фрей

Эл Фрей

Ты не получишь развод, моя ледяная жена

«Автор»
2026

Фрей Э.

Ты не получишь развод, моя ледяная жена / Э. Фрей — «Автор», 2026

Я проснулась в теле чужой женщины, жены самого страшного дракона империи.Он смотрит на меня как на грязь. Сажает за дальний конец стола, пока его любовница сидит на месте хозяйки. Запирает в башне и повторяет: «Ты моя пожизненная ошибка».Прежняя владелица этого тела пять лет подливала ему яд. Теперь он слабеет, ненавидит весь мир и не даёт мне развод, хотя я не делала ничего из того, в чём он меня обвиняет.Я не собираюсь оправдываться. Я собираюсь выжить, а потом уйти. Открою своё дело, построю новую жизнь и забуду про дракона с золотыми глазами.Вот только он вдруг начинает бегать за мной по рынку. Просит кофе под чужим именем. Сидит у двери моей тюремной камеры. А его бывшая любовница уже готовит месть.Он не дал мне развод. Но, кажется, я сама не хочу его получить.

© Фрей Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое лицо 5
Глава 2. Лишняя за собственным столом 8
Глава 3. Запах корицы (глава Каррада) 11
Глава 4. Дневник, которого не должно было быть 14
Глава 5. Ренар, закон и ужин с сюрпризом 17
Глава 6. Слабость дракона 21
Глава 7. Чай с советником 25
Глава 8. Сделка 29
Глава 9. Рынок, где пахнет кофе 33
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Эл Фрей
Ты не получишь развод, моя ледяная жена

Глава 1. Чужое лицо

Последнее, что я помнила из своей жизни, это сорок три коробки с «Прагой» и стеклянная витрина, которая вдруг поплыла у меня перед глазами. Был конец смены, пятница, ноябрь, и я думала только о том, что завтра выходной и можно не вставать до обеда.

Теперь я не вставала вообще. Лежала на кровати размером с мою прежнюю кухню и разглядывала балдахин из тёмно-синего бархата с серебряной вышивкой.

«Так, спокойно, Алина, — сказала я себе. — Ты в больнице. Просто больница очень дорогая».

Я подняла руку, чтобы потереть глаза. Рука была не моя. Тонкие длинные пальцы, ногти розоватые, ухоженные, на безымянном тяжёлое кольцо с чёрным камнем. У меня за двенадцать лет в кондитерке ногти были острижены коротко, а на пальцах навсегда остались следы от ожогов.

Я села и поняла, что тело тоже чужое. Слишком лёгкое, слишком хрупкое, и голова кружится так, словно я упала с высоты.

На туалетном столике в серебряной раме стояло зеркало. Я дошла до него, держась за мебель, и посмотрела.

На меня смотрела женщина лет двадцати пяти. Волосы платиновые, до пояса, глаза светло-голубые, как ледяная вода. Красивая, холодной, злой красотой, от которой хочется надеть шубу. Губы тонкие, поджатые, и даже во сне, судя по складке между бровей, она на кого-то злилась.

— Ага, — сказала я своему отражению. — Приехали.

Дверь открылась без стука.

В комнату вошла девушка в сером платье и белом переднике, с подносом. Увидела меня на ногах, вскрикнула и уронила поднос. Чашка разбилась, по ковру потекла что-то бурое.

— Госпожа! Госпожа, вам нельзя вставать, лекарь сказал…

— Тише, — попросила я. — Я не кусаюсь. Наверное. Как тебя зовут?

Девушка замерла. Рот у неё приоткрылся.

— Вы… вы спрашиваете, как меня зовут?

— Да.

— Мира, госпожа. Меня зовут Мира. Я при вас уже три года.

По её лицу было видно, что за три года хозяйка не спросила её имени ни разу.

— Прекрасно, Мира. А теперь расскажи мне, пожалуйста, где я и что со мной случилось. Я немного… плохо помню.

Мира опасливо оглянулась на дверь и зашептала:

— Вы упали с большой лестницы, госпожа. Вчера, на приёме у лорда. Все видели. Лекарь сказал, что вы лишь ушиблись, но лорд велел… Он велел передать, что, если вы очнётесь, он желает вас видеть. Как только вы сможете стоять.

— Лорд?

— Лорд Вейрен, госпожа. Ваш муж.

Муж. Я стояла в чужом теле, в чужом мире, с чужим кольцом на пальце, и у меня, оказывается, был муж. Прекрасный день.

— И какой он, мой муж? — осторожно спросила я.

Мира побледнела так, что я испугалась за неё.

— Он… дракон, госпожа.

— В смысле, характером?

— В смысле, настоящий дракон.

Я села обратно на кровать.

Меня одели. Мира справлялась с корсетом, пока я пыталась понять, как жила женщина, которая по утрам затягивалась во все это. К слову, потом выяснилось, что носила она не корсет, а «поддерживающий жилет», но я всё равно ненавидела его заранее.

Пока меня шнуровали, я узнала немного. Моего мужа зовут Каррад Вейрен, он герцог и глава Драконьего совета. Меня, то есть мою предшественницу, звали Элиана ди Ларен. Замок называется Эйрвен. В империи Аэрдан драконов боятся, уважают и не ссорятся с ними, потому что они сжигают города.

— А я? — спросила я. — Меня любят?

Мира замялась.

— Вас… боятся, госпожа.

— Это не ответ.

— Это самый вежливый ответ, который у меня есть.

Я невольно улыбнулась. Мира ахнула: прежняя Элиана, видимо, никогда не улыбалась тем, кто ей служил.

Кабинет мужа находился в северной башне. Я пришла туда одна, потому что Мира проводила меня до лестницы и дальше не пошла. Мне показалось, что ей стыдно за то, что она так боится.

Высокая дверь из чёрного дерева. Я постучала.

— Войди.

Голос был глубокий и ровный, как лёд над большой глубиной.

Он стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел на двор. Высокий, с широкими плечами, в тёмном камзоле, чёрные волосы связаны на затылке. Когда он обернулся, у меня на секунду перехватило дыхание.

Лицо было красивое, резкое, будто его вырезали из камня. Но главное были глаза. Золотые, с вертикальными зрачками, как у хищника. Они разглядывали меня так, как разглядывают пятно на скатерти.

— Ты жива, — сказал он. — К сожалению.

Я моргнула.

— Простите?

— Я сказал, что ты жива. Лекарь утверждает, что ты ушиблась. Я был бы признателен, если бы ты в следующий раз выбирала для своих спектаклей более высокую лестницу.

Меня обдало жаром. Он решил, что я упала нарочно!

— Я не…

— Молчи, — спокойно сказал он, и я действительно замолчала, потому что в этом слове было что-то древнее, давящее. — Ты устроила представление при гостях. Мне пришлось извиняться перед Драконьим советом за поведение своей жены. Мне пришлось целый вечер объяснять, что у герцогини Вейрен просто слабое здоровье.

— Но ведь так и есть, — тихо сказала я. — Я упала.

Он подошёл ближе. Теперь я чувствовала запах: холодный дым и что-то горькое, как полынь.

— Послушай меня внимательно, Элиана, — сказал он почти ласково, и от этого стало страшнее. — Я знаю, что ты умеешь делать. Знаю лучше, чем ты думаешь. И знаю, чего стоят твои слёзы, обмороки и красивые падения. Поэтому не пытайся. Ни со мной, ни при мне.

Он наклонился так, что его лицо оказалось совсем близко к моему.

— Ты не выйдешь отсюда, пока я не разрешу. Ты не получишь развод, хотя просила о нём трижды. Ты моя жена до последнего вздоха. Моего или твоего, это уж как получится.

Он выпрямился.

— Можешь идти.

Я вышла из кабинета на негнущихся ногах, прислонилась к стене и очень тихо, очень вежливо спросила пустой коридор:

— Простите, а в этой книге точно нет другого героя?

Пустой коридор не ответил. Зато из-за поворота донеслись лёгкие шаги и женский смех.

Глава 2. Лишняя за собственным столом

Шаги приближались. Я быстро выпрямилась и сделала вид, что просто задумалась о судьбах империи.

Из-за поворота вышла женщина. Высокая, рыжеватая, в алом платье, которое никак не подходило для утра в замке. Волосы убраны в сложную причёску, глаза зелёные, губы насмешливые. Она шла так, будто весь коридор принадлежал ей.

— Элиана, — протянула она. — Ты уже на ногах! А мы так за тебя волновались.

В её «мы» слышалось такое наслаждение, что можно было варить варенье.

— Благодарю, — осторожно сказала я. — А вы…

— Серафина Дорн. — Она склонила голову с лёгкой улыбкой. — Ты ведь не забыла меня после падения? Хранительница архива лорда Вейрена. Его… близкий друг.

Она произнесла «близкий друг» так, что у меня не осталось сомнений в характере этой дружбы. Мира была права, все знали. Все знали, и теперь Серафина смотрела на меня и ждала, что я, как раньше, закричу, брошу в неё вазой или разрыдаюсь.

Я вспомнила свою начальницу в кондитерской, Лидию Павловну, которая ненавидела меня с первого дня. Против неё лучше всего работала вежливая улыбка и абсолютное спокойствие.

— Очень приятно, Серафина, — сказала я. — Надеюсь, вам в замке удобно.

Улыбка на её лице дрогнула.

— Что?

— Говорю, надеюсь, что вам удобно. Если нужно что-то, обращайтесь к Мире. Хотя, наверное, вы и так знаете, где что лежит.

Я пошла дальше по коридору, чувствуя на спине её взгляд. Пока мы не скрылись друг у друга из виду, я не выдохнула.

К завтраку я спустилась только потому, что хотела есть. У прежней Элианы, судя по ощущениям, были проблемы с аппетитом, но у меня в желудке образовалась бездонная яма.

В столовой стоял длинный стол, накрытый на троих. Во главе сидел Каррад. Справа от него, на месте, которое по традиции принадлежит хозяйке дома, сидела Серафина.

Я остановилась в дверях.

— Это моё место, — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

Серафина невинно округлила глаза. Каррад не поднял головы от тарелки.

— Теперь нет, — сказал он. — Ты будешь завтракать у себя.

В столовой стало тихо. Лакеи у стен стали похожи на мебель, а мебель на очень испуганных лакеев.

Я вдохнула и выдохнула.

Вот тут мне надо было заплакать, закричать, уйти хлопнув дверью. Прежняя Элиана наверняка сделала бы именно это, и все остались бы довольны.

— Хорошо, — сказала я.

Каррад наконец поднял взгляд.

— Хорошо?

— Да. Я буду завтракать у себя. Только прошу прислать мне нормальную еду. Не ту кашу, которую вы, судя по запаху, подали в качестве наказания. Мне нужны яйца, хлеб, сыр и что-нибудь сладкое. И чай. Если у вас в замке есть чай.

Серафина ахнула. Лакей у двери закашлялся, пытаясь скрыть смешок.

Каррад смотрел на меня долго и очень внимательно. Золотые глаза чуть сузились.

— Ты делаешь это нарочно, — сказал он.

— Что именно?

— Притворяешься другой.

— Милорд, — сказала я самым мягким голосом, — я просто хочу позавтракать. Если для этого мне нужно уйти из столовой, я уйду. Приятного аппетита.

Я развернулась и пошла к выходу. В спину мне донеслось тихое, злое:

— Элиана.

Я не обернулась.

Через двадцать минут Мира принесла поднос с яйцами, хлебом, сыром, мёдом и чайником, от которого шёл волшебный запах чёрного чая. Она стояла у двери, переминаясь с ноги на ногу.

— Госпожа, — тихо сказала она. — Вы сегодня… другая.

— Хорошая другая или плохая другая?

Мира подумала.

— Страшная другая, — наконец сказала она. — Но мне нравится.

Я рассмеялась. Впервые за этот безумный день.

Мы сидели вместе, и она, осмелев, рассказала мне многое. Что Серафина живёт в замке уже пять лет, с самого начала брака. Что лорд никогда не говорит с женой за столом, кроме как о приличиях. Что прежняя Элиана устраивала скандалы, била посуду, однажды выбросила в окно платья Серафины, а лорд в ответ на неделю запер её в восточной башне.

— А почему она не уехала? — спросила я. — Если муж такой.

— Потому что драконий брак нельзя расторгнуть без согласия мужа, госпожа. Вы сами просили лорда трижды. Он отказал трижды. Говорят, что… — Мира замолчала.

— Что?

— Что он держит вас не из любви, госпожа. А потому что вы ему что-то должны.

Я медленно опустила чашку.

— Что именно?

— Этого никто не знает, — шёпотом сказала Мира. — Но говорят, лорд очень болен последние годы. И что вы с этим как-то связаны.

За окном каркнула ворона.

Я смотрела на свои чужие руки, лежащие на скатерти, и вдруг поняла одну очень неприятную вещь. Я не просто попала в тело жены дракона. Я попала в тело женщины, которую этот дракон, возможно, имел все основания ненавидеть.

— Мира, — сказала я. — Расскажи мне всё. Начиная с самого начала.

Она рассказывала почти час.

Когда она вышла, я ещё долго сидела у окна и смотрела на двор, где Каррад Вейрен, не замечая меня, отдавал приказы страже. Он стоял прямо, в расправленных плечах была власть, но один раз, когда он отвернулся, я заметила, как его рука дрогнула и он на секунду вцепился в перила.

Всего на секунду. Потом выпрямился снова.

«Что с тобой?» — подумала я и тут же рассердилась на себя. Жалеть его нельзя. Он унижает меня, держит взаперти, живёт с любовницей под одной крышей.

Но почему-то я не могла отвести глаз.

В дверь постучали. Вошёл лакей, невозмутимый и аккуратный.

— Госпожа, лорд Вейрен велел передать, что с сегодняшнего дня вы не покидаете восточную башню без его разрешения. Обед и ужин вам доставят.

Я улыбнулась.

— Передайте милорду мою глубокую благодарность, — сказала я. — Скажите, что я с радостью воспользуюсь свободным временем.

Лакей посмотрел на меня как на сумасшедшую и поспешно вышел.

Восточная башня так восточная башня. Если уж мне суждено сидеть взаперти, то хотя бы выясню, где здесь кухня.

Глава 3. Запах корицы (глава Каррада)

Каррад Вейрен ненавидел три вещи: ложь, слабость и запах цветов в своей спальне. Последние несколько лет к этому списку добавилась четвёртая: собственная жена.

Он сидел в кабинете, глядя на бумаги, но не видел ни строчки. Рука под столом по-прежнему подрагивала, и он сжал её в кулак.

Огонь внутри, обычно горячий и послушный, будто стал водой. Раньше он мог одним дыханием согреть весь замок. Теперь с трудом поддерживал пламя в камине. Лекарь говорил, что яд почти выведен, но «последствия необратимы». Каррад сказал лекарю, куда ему идти, и больше о последствиях не слышал.

— Ты опять не спал, — раздалось от двери.

Ренар Мэйс, друг и главный советник, вошёл без стука. Рыжий, ленивый на вид, с вечной усмешкой и привычкой смотреть так, будто знает что-то смешное про всех. На деле он знал почти всё, и не только смешное.

— Не твоё дело, — сказал Каррад.

— Моё. Ты герцог, а я должен следить, чтобы ты не упал замертво посреди заседания совета. — Ренар сел в кресло напротив. — Слышал, твоя жена сегодня не устроила сцену.

— Слышал уже?

— В замке только об этом и говорят. Она отказалась от места за столом и попросила приличный завтрак. Серафина потом час ходила по коридорам с таким лицом, будто проглотила лимон.

Каррад невольно хмыкнул, потом нахмурился.

— Элиана что-то задумала.

— Возможно. А возможно, после падения у неё просто мозги встали на место.

— Мозги Элианы на место не встают. Только на новую жертву.

Ренар посмотрел на него внимательно.

— Каррад, — сказал он серьёзно. — Ты сам сказал мне, что будешь её держать, пока не выяснишь, кто стоял за ядом. А теперь ты на неё срываешься по любому поводу. Тебе не кажется, что ты немного слишком?

— Мне не кажется.

— Кажется. Просто ты не хочешь признать.

Каррад встал и подошёл к окну. Во дворе уже темнело, в башнях зажигали огни. В восточной башне светилось одно окно, на втором этаже, где жила Элиана.

— Она посмотрела на меня сегодня, — сказал он вдруг, сам не зная зачем. — В кабинете. Я говорил с ней, как обычно, чтобы она побледнела и замолчала. Она побледнела. Но не отвела глаз. И в них не было злобы. Только… растерянность. И что-то вроде обиды. Как у ребёнка, которого незаслуженно наказали.

— Может, и правда незаслуженно?

— Ренар.

— Молчу.

Позже вечером, когда замок затих, Каррад пошёл к Серафине. Она ждала его в своей комнате, в тонком шёлковом халате, с бокалом вина. Всё было привычно и предсказуемо: улыбка, прикосновение к руке, тёплый шёпот.

— Ты сегодня такой напряжённый, — сказала она. — Эта женщина совсем тебя извела?

Он смотрел на неё и вдруг понял, что ему скучно. Пустота, как будто ему показывали красивую картину и просили восхищаться.

— Мне нужно идти, — сказал он.

— Куда? Уже?

— Устал.

Он вышел, не дожидаясь ответа. В коридоре стоял холод, и шаги гулко отдавались по камню. Ноги сами понесли его не к спальне, а в сторону восточной башни.

Он не собирался туда идти. Просто проверить, закрыта ли дверь. Убедиться, что жена на месте. Так он сказал себе.

Дверь была заперта. Но из-под неё тянуло чем-то странным. Не сыростью и не холодом. Каррад замер, прислушиваясь.

Запах. Тёплый, сладкий, густой. Что-то знакомое из очень далёкого детства.

Он спустился вниз, к кухне. Там свет не горел, но в приоткрытую дверь он увидел её.

Элиана стояла у стола, закатав рукава до локтей, с мукой на щеке и в волосах. Волосы она завязала в небрежный узел, и несколько светлых прядей выбились на шею. Она что-то вымешивала, напевая под нос незнакомую мелодию. Лицо у неё было сосредоточенное и спокойное, такое, какого он не видел у неё никогда.

Он должен был войти и прекратить это. Сказать, что она нарушила приказ. Забрать, запереть, наказать.

Вместо этого он стоял и смотрел.

Она открыла печь, вытащила противень с ровными золотистыми кружками и, склонившись, понюхала. Лицо её озарилось такой радостью, что он невольно сжал косяк двери.

— Получилось, — прошептала она сама себе. — Надо же, и мука здесь нормальная.

Она взяла одно печенье, подула на него и откусила. Закрыла глаза от удовольствия.

Каррад давно перестал различать вкус. С тех пор как яд впервые прошёл через кровь, еда казалась ему пеплом, вино водой, а всё остальное картоном. Он ел по необходимости, как топят печь.

Но сейчас, стоя в темноте и вдыхая запах корицы, он вдруг ощутил, как во рту собирается слюна.

— Я знаю, что вы там, милорд, — сказала Элиана, не оборачиваясь.

Он вздрогнул.

Она повернулась. На щеке мука, в глазах спокойствие, без капли страха.

— Если хотите отчитать меня за нарушение приказа, пожалуйста, но сначала возьмите печенье. Оно горячее.

Она протянула ему маленькое золотое кружочек на ладони.

Он хотел отказаться. Хотел сказать что-нибудь резкое. Но рука сама потянулась и взяла печенье.

Он откусил.

Сладость растеклась по языку, как тёплый мёд. Корица, масло, сахар. Настоящий, живой вкус, которого он не чувствовал годами. Каррад замер, не в силах пошевелиться.

— Ну как? — спросила Элиана. — Съедобно?

Он медленно проглотил, чувствуя, как в горле встаёт странный ком.

— Это… — голос сел. Он прокашлялся. — Терпимо.

Она улыбнулась, и на секунду ему показалось, что на кухне стало светлее.

— Рада слышать. Хотя это самая вежливая похвала, которую я слышала в этом мире.

— Возвращайся в свою башню, — сказал он резко, потому что иначе не смог бы сказать ничего. — И больше не нарушай мои приказы.

— Конечно, милорд. Только позвольте убрать за собой.

Он ушёл. Шёл быстро, почти бежал по тёмным коридорам, сжимая в кулаке остаток печенья.

У себя в спальне он сел на край кровати и посмотрел на крошки на ладони. Потом закрыл глаза.

«Что ты сделала со мной, Элиана?» — подумал он.

И впервые за много лет не нашёл в этой мысли ни капли ненависти.

Глава 4. Дневник, которого не должно было быть

Восточная башня оказалась не тюрьмой, а скорее очень дорогой клеткой для птицы, которую хотят сохранить красивой и тихой. Три комнаты друг над другом: спальня внизу, гостиная с камином в середине, а наверху небольшой кабинет с круглым окном, из которого был виден весь южный двор и кусочек далёкого моря.

Я обошла всё это хозяйство с таким видом, будто принимала у застройщика квартиру. Проверила шкафы, заглянула под кровать, постучала по стенам. Привычка из прежней жизни: когда въезжаешь на новое место, надо знать, где что лежит и что может сломаться.

Мира давно ушла спать. Она приходила трижды: принесла ужин, помогла раздеться и в последний раз проверила, не нужно ли мне чего. Я сказала, что не нужно, и она с явным облегчением исчезла за дверью. Слуги в этом замке, как я успела заметить, привыкли уходить от хозяйки побыстрее.

А вот мне не спалось.

Я лежала на огромной кровати и слушала, как за окном воет ветер. В голове крутилась одна и та же мысль, как заевшая пластинка: «Ты упала с лестницы. Это не ты упала. Кто-то другой упал, а ты проснулась вместо неё».

В какой-то момент я не выдержала, встала, накинула на плечи тяжёлый бархатный халат и вышла в кабинет. Зажгла свечу. Сухой воск пах мёдом, и я подумала, что хотя бы свечи в этом мире делают не хуже, чем у нас.

В кабинете стоял резной письменный стол из тёмного дерева. Я выдвигала ящики один за другим. Бумага, перья, сургуч, несколько пустых флаконов из зелёного стекла. В третьем ящике нашлась пачка писем, перевязанная лентой. Письма были от какого-то лорда ди Ларена. Почерк у него был такой же острый и злой, как у моей предшественницы, судя по подписям на счетах. Отец, догадалась я.

Я читала по диагонали. «Не забывай, что ты должна сделать». «Твоя мать была слабой, не повторяй её судьбу». «Каррад Вейрен не должен занимать место в Совете ещё один срок». «Время работает против нас».

Мне стало неуютно. Я положила письма обратно и уже собиралась закрыть ящик, когда заметила странность. Дно ящика было чуть выше, чем должно быть. Снаружи он казался глубже, чем внутри.

Я вынула всё содержимое, провела пальцем по дну и нащупала тонкую щель у самого края. Подцепила ногтем. Доска легко поднялась, как крышка.

В потайном отделении лежали две вещи: маленький кожаный блокнот с серебряным замочком и деревянная шкатулка, обёрнутая в чёрный бархат.

Первой я открыла шкатулку, потому что замочек на блокноте оказался заперт, а бархат подозрительно пах чем-то горьким. Внутри на красной подкладке стояли шесть крошечных флаконов с тёмной жидкостью. На каждом бирка, написанная тем же острым почерком: «Слабость крови. Три капли на кубок. Не чаще раза в неделю».

У меня похолодели руки.

Я захлопнула шкатулку и села, глядя на неё как на змею. Потом заставила себя дышать ровно. Раз, два, три. Раз, два, три.

«Слабость крови». Я не знала, что это, но название говорило само за себя. И три капли на кубок. Для кого? Чей кубок?

Ответ я уже знала.

Блокнот поддался булавкой для волос. Замок был детский, видимо, прежняя Элиана не слишком боялась воров. Страницы были исписаны мелким нервным почерком. Я устроилась в кресле, придвинула свечу поближе и начала читать.

Первая запись датировалась пятью годами назад.

«Сегодня меня выдали замуж. Отец сказал, что это мой долг перед семьёй. Дракон. Каррад Вейрен. Он смотрел на меня на церемонии так, будто покупал лошадь. Ни улыбки, ни слова. Мне двадцать лет, а я уже мертва».

Следующие страницы были полны жалоб. Муж не приходит. Муж не говорит. Муж равнодушен. Муж держит при себе женщину, которую называют «хранительницей архива». Ни слова любви, ни жеста. Элиана писала, что ненавидит замок, ненавидит слуг, ненавидит мужа.

Я читала и поймала себя на том, что где-то на пятой странице ей почти сочувствую. Это длилось ровно до записи от второго года брака.

«Отец приехал. Привёз новое средство. Говорит, оно ослабит дракона, сделает его податливым. Через год-два он потеряет силу огня и не сможет удержать место в Совете. Тогда отец займёт его кресло, а я получу свободу. Он обещал, что я вернусь домой. Я сделаю это. Я не хочу больше здесь быть».

Дальше пошли записи, от которых у меня по спине побежали мурашки.

«Первая доза. Он ничего не заметил».

«Третья неделя. Кажется, он стал бледнее».

«Он пропустил заседание Совета, говорят, болел. Отец доволен».

«Сегодня он впервые не смог зажечь камин. Я смотрела, как он стоит перед очагом, и мне стало страшно. Но я продолжу».

Я перевернула страницу.

«Ренар Мэйс что-то подозревает. Он смотрит на меня странно. Надо быть осторожнее».

«Серафина узнала про флаконы? Она слишком часто заходит в мои покои. Надо проверить, не пропало ли что-то».

«Лекарь сказал мужу, что это яд. Он знает. Он не говорит, но знает. Теперь он смотрит на меня как на падаль».

«Он не отпускает меня. Я просила развод. Он отказал. Он сказал, что я останусь здесь, пока он не поймёт, кто стоит за этим».

На последней записанной странице почерк стал совсем неровным, строчки разбегались.

«Если он узнает, что приказ идёт от отца, меня убьют. Сегодня на приёме подмешаю последнюю дозу. Если не выйдет, придётся бежать. Т. обещал помочь. Он сказал, что завтра всё изменится».

Больше ничего.

Я сидела в кресле, а свеча догорала. В комнате стало очень тихо. Даже ветер за окном затих, словно прислушивался.

«Т.» Кто это? Отец? Нет, отца она называет «отец». Значит, кто-то ещё. Кто-то, кто обещал помочь и сказал, что завтра всё изменится.

Завтра изменилось. Но совсем не так, как ждала Элиана.

Я встала и подошла к окну. Внизу во дворе горели факелы, ходила стража. А в одном из окон северной башни до сих пор светился огонёк. Его кабинет. Он не спал.

Теперь мне стало понятно всё. И презрение, с каким он смотрел на меня, и «пожизненная ошибка», и отказ дать развод. Он не держал меня из жестокости. Он держал меня, потому что был уверен, что рядом с ним живёт отравительница, которая пять лет по капле убивала его. И, возможно, он до сих пор не знал, кто за ней стоит.

А я оказалась в её теле.

Я прижала лоб к холодному стеклу. Вот так, значит. Никто не приглашал меня в этот мир, никто не спросил, хочу ли я. А теперь у меня на руках чужое преступление, чужой яд и дракон, который в любой момент может сжечь меня на месте.

«Расскажи ему», — шепнул голос в голове.

«Он не поверит. Скажет, что ты лжёшь, чтобы смягчить наказание».

«Тогда спрячь всё».

«А если он найдёт?»

«Тогда убьёт».

Я потёрла лицо ладонями.

Так. Что бы я сделала в своей прежней жизни, если бы мне подсунули чужой косяк? Ответ был простой: сначала собрала бы все факты, потом разобралась бы, кто виноват, потом думала бы, как выкручиваться. Паниковать в этой последовательности было на последнем месте.

Я вернулась к столу, аккуратно сложила флаконы обратно в шкатулку, завернула в бархат и сунула вместе с блокнотом в потайное отделение. Закрыла доску, вернула письма на место. Потом задула свечу.

В темноте я стояла посреди кабинета и чувствовала, как в груди растёт что-то упрямое и горячее.

Я не Элиана. Я не отравляла никого. Но я теперь живу в её шкуре, и расплачиваться за её грехи придётся мне, если я не буду очень осторожна.

«Ладно, дорогой дракон, — подумала я. — Я не знаю пока, как, но я докажу, что я не она. Или найду способ уйти так, чтобы ты не сжёг меня в процессе».

Где-то далеко, за стенами замка, завыл волк.

Я легла в постель и долго смотрела в потолок. Заснула уже под утро, и мне снилось, что я стою на кухне, перед печью, а золотые глаза смотрят на меня из темноты и в них нет ненависти.

Глава 5. Ренар, закон и ужин с сюрпризом

Утром Мира принесла завтрак и новость.

— Вас вызывает экономка, госпожа. Она говорит, что сегодня вечером в замке приём. Приедут члены Совета с жёнами. Лорд приказал, чтобы вы присутствовали.

— Присутствовала, — повторила я, намазывая масло на хлеб. — Не «были хозяйкой», а «присутствовали».

Мира смущённо потупилась.

— Госпожа сядет на дальнем конце стола. Рядом с… с леди Маргаритой. Это вдова старого графа Орнска. Она, э-э… язвительная.

— Прекрасно. Люблю язвительных. С ними не скучно.

Мира посмотрела на меня с таким выражением, будто я объявила о намерении выйти на бой с драконом голыми руками. Я решила не объяснять, что в моей прежней жизни язвительные начальницы были нормой и что я давно выработала иммунитет.

Но до вечера оставалось время, и я собиралась использовать его с пользой.

— Мира, слушай, — сказала я. — Мне нужно в библиотеку. Незаметно.

— Но лорд приказал…

— Я знаю. Я не ухожу из замка, я иду в соседнюю часть здания. Я просто хочу почитать. Разве это нарушение?

Мира долго колебалась, комкая передник. Потом вздохнула и достала из кармана связку ключей.

— У меня есть запасной от нижней двери, — прошептала она. — Только если вас увидят, я ничего не знаю.

— Ты золото, — сказала я искренне.

Она вспыхнула до ушей.

Библиотека Эйрвена была огромной. Не комнатой, а целым залом с галереей, винтовыми лестницами и стеллажами до самого потолка, пахнущими пылью, кожей и старой бумагой. Свет падал из высоких окон длинными пыльными столбами. Я стояла на пороге и чувствовала себя ребёнком, которого впустили в кондитерскую после закрытия.

Одно «но»: книг было несколько тысяч, и я понятия не имела, где искать нужные.

— Потерялись, ваша светлость?

Голос раздался сверху. Я подняла голову. На галерее, прислонившись к перилам, стоял Ренар Мэйс с книгой в руке и тем самым ленивым выражением, с каким кошка наблюдает за мышью.

— Нет, — сказала я. — Просто осматриваюсь.

— В библиотеке, куда вам приказано не заходить.

— Мне ничего не приказывали про библиотеку. Приказывали не покидать башню.

— Тонкое различие.

— Я юрист по натуре.

Он спустился по лестнице неторопливо, заложив палец в книгу. Подошёл, оглядел меня с головы до ног и вдруг широко улыбнулся.

— Знаете, герцогиня, вы мне сегодня нравитесь больше, чем раньше. Прежняя вы смотрели на меня так, будто собирались отравить моё вино.

Я похолодела, но лицо удержала.

— Прежняя я многое делала неправильно, — сказала я осторожно.

— Вот как? — Он склонил голову набок. — И что же стало причиной перемены? Падение с лестницы? Могу порекомендовать эту процедуру нескольким своим знакомым.

— Может быть, просто понимание, что жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на злость.

Ренар посмотрел на меня долгим взглядом. Потом тихо хмыкнул.

— Что-то мне подсказывает, что вы не за мудростью пришли. Чего хотите?

Я сделала вид, что колеблюсь, хотя ответ у меня был готов с самого утра.

— Хочу прочитать про драконье право. Про браки. Про то, как они заключаются и… прекращаются.

Ренар не удивился. Только брови чуть приподнялись.

— Так я и думал. Решили всё-таки вернуться к вопросу о разводе?

— Решила изучить его серьёзно. Раньше я просила, а надо было читать закон.

— Мудрое решение, — сказал он, и в голосе у него зазвучало неподдельное уважение. — Идёмте.

Он провёл меня в боковой зал, к стеллажам с тёмными тяжёлыми томами, и снял с полки массивную книгу в кожаном переплёте.

— «Свод драконьих установлений», — сказал он. — Глава о брачных узах. Читайте, но предупреждаю: ничего нового вы там не найдёте. Брак с драконом заключается огненной клятвой, которая связывает жизни супругов. Расторгнуть его можно только по воле дракона. Либо если один из супругов умирает. Либо…

Он замолчал.

— Либо? — подхватила я.

— Либо есть какое-то старое положение. Я его помню смутно. Не то в сорок третьей, не то в сорок пятой главе. Что-то про долгое отсутствие или вроде того. Но это положение давно не применялось. Лет триста, если не больше. Ни одна драконья жена не решалась. Это слишком… опасно.

— Опасно как?

Ренар пожал плечами.

— Не знаю подробностей. Но обычно когда закон триста лет никто не применяет, на то есть причина.

Он положил книгу на стол и придвинул мне стул.

— Читайте, герцогиня. Я не буду вам мешать. И, если вас это утешит, я никому не скажу, что видел вас здесь.

— Почему? — спросила я.

— Потому что мне любопытно, к чему всё это приведёт, — честно сказал он и улыбнулся. — А ещё потому, что мне давно хотелось, чтобы в этом замке случилось что-то интересное.

Он ушёл. Я осталась с огромной книгой и смутным ощущением, что нашла союзника в самом неожиданном месте.

Я читала почти до обеда. Язык закона был тяжёлым и запутанным, предложения тянулись на полстраницы, а половина слов оказалась мне незнакома. Но я упрямо выписывала на листочек всё, что могло пригодиться.

Сорок третью главу я нашла. Там было всего два абзаца. Что-то про «супругу, самовольно оставившую очаг мужа на срок, достаточный для…» и дальше слово, которого я не знала. Что-то про «безымянное существование». Я записала дословно и спрятала листок в корсаж.

К тому времени, как вернулась в башню, голова у меня гудела, а в животе урчало.

Вечером на меня надели платье.

Это было не просто платье, а целое сооружение: тёмно-синий шёлк, серебряная вышивка по лифу, длинные рукава, шлейф. В нём я чувствовала себя ёлкой на новогоднем утреннике. Мира собрала мне волосы в высокую причёску, украсила жемчужной нитью и отступила на шаг с таким выражением, будто боялась, что я рассыплюсь.

— Вы очень красивы, госпожа, — тихо сказала она.

— Спасибо. А можно мне потом это снять и никогда больше не надевать?

Мира сдержала улыбку.

Большая столовая сияла. Сотни свечей, хрусталь, серебро, слуги в парадных ливреях. За столом уже сидели гости: мужчины в тёмных камзолах, женщины в драгоценностях, все с одинаковым выражением вежливой скуки на лицах. Во главе стола сидел Каррад. По правую руку от него, на месте хозяйки, в изумрудном платье, сидела Серафина.

Я остановилась в дверях и почувствовала, как на меня обращаются взгляды. Сначала любопытные, потом острые, как иголки. Кто-то тихо зашептался. Рядом со мной слуга быстро выдвинул стул на самом дальнем конце, возле пожилой дамы с лицом разочарованной совы.

Я села.

— Герцогиня Вейрен, — произнесла дама, не повернув головы. — Какая неожиданность. Мы уже и не надеялись вас увидеть.

— Леди Маргарита, — ответила я самым светским тоном, на какой была способна. — Рада, что вы вспомнили меня. Приятный вечер.

Сова скосила на меня холодный глаз.

— Вы похудели.

— Спасибо.

— Это не комплимент.

— А я принимаю как комплимент.

В стороне кто-то тихонько хихикнул. Леди Маргарита подняла брови, но промолчала.

Ужин тянулся бесконечно. Подавали холодные закуски, потом суп, потом жаркое. Я ела и слушала разговоры. Говорили о налогах, о границе с северными племенами, о новом торговом договоре с морскими городами. Я изо всех сил старалась запоминать имена, титулы и связи.

Каррад за весь вечер ни разу не посмотрел в мою сторону. Он говорил мало, слушал внимательно, изредка отвечал короткими фразами, которые заставляли собеседников замолкать. Серафина сидела рядом с ним, красиво, как фарфоровая кукла, и время от времени касалась его рукава, будто невзначай.

Я пила воду и смотрела на её руку.

«Ревнуешь? — спросила я себя. — Нет, не ревную. Просто мне противно».

На десерт подали торт. Огромный, трёхъярусный, покрытый белой глазурью. Слуги торжественно внесли его в зал, и гости зашумели одобрительно.

Серафина поднялась с места.

— Милорд, — сказала она с лёгкой улыбкой. — Позвольте мне предложить тост за хозяина этого дома, за его здоровье и силу. И за то, чтобы в следующем году в этом замке было больше радости.

Она посмотрела прямо на меня. В её зелёных глазах горел торжествующий огонёк.

— За хозяина дома! — подхватили гости.

Я подняла бокал вместе со всеми. Рука не дрогнула.

— И за хозяйку, — добавила Серафина нежно. — Пусть она всегда помнит своё место.

Тишина.

Я почувствовала, как все повернули головы. Кто-то откашлялся. Леди Маргарита рядом со мной замерла с вилкой в воздухе.

Я посмотрела на Серафину. Потом на Каррада. Он сидел неподвижно, лицо его не выражало ничего, но золотые глаза были направлены на меня.

Ждал. Ждал, что я взорвусь.

Я медленно поставила бокал на стол и улыбнулась.

— Какой чудесный тост, — сказала я громко и спокойно. — Серафина, вы так заботитесь о том, чтобы все знали своё место. Это редкое качество. Я уверена, что вы сами хорошо его знаете. Правда?

Серафина моргнула.

— Что вы…

— Я говорю, что вы, должно быть, и сами всё понимаете. Хранительница архива. Очень почётная должность. — Я чуть наклонила голову. — Пусть она всегда остаётся при своих книгах.

В зале кто-то тихо ахнул. Серафина побледнела, пальцы её сжали ножку бокала.

Леди Маргарита рядом со мной негромко произнесла, почти не шевеля губами:

— Недурно, милочка.

Я не ответила. Просто взяла ложку и начала есть торт. Он был сухой и приторный, но я ела его с таким видом, будто это самое вкусное, что я пробовала в жизни.

Каррад смотрел на меня. Я чувствовала его взгляд кожей, как раскалённый уголь. Но когда я наконец осмелилась поднять глаза, он уже отвернулся и разговаривал с соседом по столу.

Но рука его, лежащая на скатерти, была сжата в кулак так, что побелели костяшки.

Глава 6. Слабость дракона

После ужина гостей проводили в зал для танцев. Я, конечно же, туда не пошла. Улизнула через боковую дверь, пока Серафина собирала вокруг себя придворных, и через четверть часа уже сидела в башне, сняв туфли и массируя гудящие ноги.

— Это был лучший вечер в моей жизни, — сообщила Мира, входя с чаем и пряча радостную улыбку. — Вы видели лицо леди Серафины? Весь замок только об этом и говорит!

— Мира, мы же договаривались не злорадствовать, — сказала я строго, но глаза у меня тоже смеялись.

— Я не злорадствую, я радуюсь.

— Это разные вещи?

— Да, госпожа. Радость чище.

Я расхохоталась. Давно так не смеялась. Смех вышел громкий, живой, совсем не такой, как у моей предшественницы, которая, судя по дневнику, за пять лет не смеялась ни разу.

Мира ушла. Я посидела ещё немного, потом поняла, что опять голодна. Торт был ужасный, а жаркое холодное. В животе пусто, а в голове идея.

Кухня Эйрвена в полночь выглядела совсем не так, как днём. Огромное помещение с закопчёнными стенами, длинными столами, вереницей медных котлов. В углу тлели угли в большой печи. Рядом на лавке спал толстый кухонный кот.

Я включила, то есть зажгла, одну свечу, закатала рукава и огляделась. Мука, масло, яйца, сахар, мёд. Корица в мешочке. Немного сухофруктов. Орехи.

— Ладно, — сказала я коту. — Что приготовим на ночь глядя?

Кот приоткрыл один глаз и зевнул.

— Согласна. Что-нибудь простое.

Я выбрала булочки с корицей и орехами. Тесто по привычке замесила быстро, руки сами всё помнили. Мука здесь была грубее, чем в моём мире, но подходила. Дрожжей не нашлось, зато нашлась закваска в глиняном горшке, оставленная поваром на утро. Я осторожно взяла ложку и добавила в тесто.

Пока оно подходило, я присела на лавку рядом с котом. Тишина стояла такая, что слышно было, как потрескивают угли.

Я думала о дневнике. О «Т.». О том, кто мог быть этим таинственным помощником Элианы. Не отец, не Серафина, потому что Серафина, судя по записям, подозревала саму Элиану. Тогда кто? Кто в замке мог знать про яд и желать смерти Каррада?

Мысли путались. Я задремала.

Меня разбудил звук.

Тяжёлый, глухой, будто что-то упало в коридоре. Потом тихое сдавленное проклятие. Кот поднял голову и навострил уши.

Я встала и, взяв со стола тяжёлую скалку, осторожно выглянула в коридор.

Он сидел на полу, прислонившись спиной к стене, в расстёгнутом камзоле, с растрёпанными волосами. Лицо его было серым, на лбу блестел пот. Одной рукой он держался за горло, другой упирался в камни, как будто боялся, что пол уйдёт из-под него.

— Милорд? — выдохнула я.

Золотые глаза метнулись ко мне. В них мелькнуло что-то, чего я никогда не видела: не гнев, не презрение, а чистый, неприкрытый страх. Страх быть увиденным.

— Уйди, — хрипло сказал он.

— Вам плохо.

— Я приказал. Уйди.

— Вы едва можете стоять.

— Элиана. — Голос его дрогнул. — Если ты скажешь кому-нибудь…

— Не скажу.

Он замолчал и посмотрел на меня. Дыхание у него было тяжёлое, рваное.

Я отложила скалку и подошла ближе. Присела на корточки рядом. Теперь я видела всё: бледную кожу, дрожащие пальцы, тёмные тени под глазами. Он выглядел человеком, который слишком долго держался из последних сил.

— Что это? — тихо спросила я. — Приступ?

Он отвернулся.

— Не твоё дело.

— Мое, — сказала я. — Если вы здесь упадёте, и вас найдут, подумают на меня.

На его лице мелькнула горькая усмешка.

— Верно. Подумают.

Я встала, протянула ему руку. Он посмотрел на неё, как на что-то непонятное.

— Вставайте. Пойдёмте на кухню. Там тепло, и у меня есть чай.

— Я не…

— Милорд, — сказала я твёрдо, — вы можете сидеть здесь и умирать гордо. А можете пойти со мной, выпить горячего и посидеть пять минут, пока вам не станет лучше. Выбор ваш. Но, пожалуйста, без споров. Я слишком устала для споров.

Он молчал. Потом, очень медленно, взялся за мою руку.

Рука у него была огромная, горячая и дрожащая. Я потянула, он поднялся тяжело, опираясь на стену, и мы пошли. Шаг за шагом. Он оказался тяжелее, чем я думала, и мне пришлось подставить плечо. Он молчал, стиснув зубы.

На кухне я усадила его на лавку у печи, подложила под спину свёрнутый фартук, налила в кружку горячего чая с мёдом. Поставила перед ним.

— Пейте.

Он смотрел на кружку, потом на меня.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он тихо.

— Потому что вам плохо.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Он взял кружку обеими руками, будто боялся уронить. Сделал глоток. Закрыл глаза.

Я отвернулась и занялась булочками. Тесто уже подошло, пышное, тёплое. Я быстро раскатала его, посыпала корицей и сахаром, свернула в рулет, нарезала. Выложила на противень, смазала желтком. Поставила в печь.

В кухне стало тихо. Только трещали угли и дышал кот.

— Ты изменилась, — сказал Каррад.

Я не обернулась.

— Вы уже говорили.

— Тогда я не верил.

— А сейчас?

— Сейчас… не знаю.

Я помолчала, глядя на огонь в печи.

— Милорд, — сказала я осторожно, — можно вопрос? Только не сердитесь.

— Спрашивай.

— Что с вами? Я вижу, что вы больны. Это связано со мной?

Тишина. Долгая.

— Да, — сказал он наконец. — С тобой. С той, какой ты была.

Я медленно повернулась. Он смотрел на кружку, и лицо у него стало каменным.

— Пять лет, — тихо сказал он. — Пять лет я не знал, почему мой огонь слабеет. Лекари разводили руками. Целители говорили, что это старость, хотя мне тридцать четыре. Потом нашёл яд в собственной крови. Выяснил, что подмешивали регулярно. Узнал, что флаконы из твоих покоев. — Он поднял на меня золотые глаза. — Скажи мне, Элиана. Ты вправду не помнишь?

У меня пересохло во рту.

Вот он, момент. Можно рассказать всё. Сказать, что я не она. Что я из другого мира. Что в её дневнике нашла записи про отца и таинственного «Т.». Что я пытаюсь понять, кто настоящий враг.

Он не поверит. Решит, что я морочу ему голову.

— Я помню не всё, — осторожно сказала я. — После падения многое… стёрлось. Но я знаю, что случилось. Я видела. И я…

Голос подвёл меня.

— Мне очень жаль, — прошептала я.

Он смотрел на меня так долго, что я почувствовала себя мухой под стеклом.

— Это что, раскаяние? — спросил он почти без интонации.

— Не знаю, как называется. Но это правда.

Он снова опустил взгляд. Пальцы его сжали кружку.

— Раньше ты никогда не извинялась.

— Раньше я была другой.

— Нет, — тихо сказал он. — Не другой. Я не верю, что люди меняются из-за одного падения с лестницы. Я думаю, ты что-то задумала.

— Думайте что хотите. Но сейчас вы больны, и я не хочу, чтобы вы умерли у меня на кухне.

В печи тихонько потрескивало. Запах корицы заполнил помещение.

Я достала противень, золотые булочки блестели в свете свечи. Положила одну на тарелку, поставила перед ним.

— Ешьте.

Он взял. Откусил. На лице его что-то дрогнуло, словно на мгновение прорвалась трещина в камне.

Он ел медленно, молча, с каким-то странным сосредоточенным вниманием, будто боялся, что вкус исчезнет. Когда доел, откинулся к стене и закрыл глаза.

— Спасибо, — сказал он тихо, почти неслышно.

Я так удивилась, что чуть не уронила противень.

— Простите, что?

— Ты слышала.

Он открыл глаза. Золотые зрачки блеснули в полумраке.

— Это не меняет ничего. Ты по-прежнему моя пленница. Развода не будет. Ты не выйдешь из башни без моего разрешения. И если я узнаю, что ты играешь в какую-то игру…

— Я знаю, — сказала я. — Сожжёте.

— Сожгу.

— Принято.

Он поднялся. Вставал медленнее, чем нужно, и я видела, как ему тяжело. Но он выпрямился, поправил камзол, одним движением вернув себе вид холодного герцога. Теперь только бледность выдавала недавнюю слабость.

— Если ты кому-то скажешь, что видела меня таким, — произнёс он ровно, — это будет последнее, что ты скажешь.

— Милорд, — сказала я устало, — если бы я хотела вас убить, у меня было десять минут, скалка и вы на полу. Но я предпочла напоить вас чаем. Подумайте об этом.

Что-то мелькнуло на его лице: не улыбка, но тень. Он кивнул и вышел.

Я осталась одна. Села на лавку. Кот запрыгнул ко мне на колени и громко замурлыкал.

— Да уж, — сказала я ему. — Влипла я.

За окном начинало светлеть. Первый рассвет в чужом мире. Я смотрела на окно и думала, что где-то в этом замке, в одной из башен, сидит человек, у которого пять лет отнимали силу по капле. И что вместо ненависти я почувствовала только одно: желание, чтобы ему стало лучше.

Это было плохо. Очень плохо.

А ещё я не заметила, что в дверях кухни, в тени коридора, давно уже стояла Серафина. Она прикрывала рот ладонью, в зелёных глазах застыло потрясение.

Она видела всё. Видела, как герцог Вейрен, гроза драконьего совета, сидел на кухонной лавке и ел булочку из рук своей ненавистной жены.

Серафина тихо отступила и растворилась в темноте. Но на её губах, впервые за всё время, не было улыбки. Только холодная, расчётливая решимость.

Глава 7. Чай с советником

Наутро меня разбудила не Мира, а тишина. Слишком плотная и слишком выжидательная для замка, где даже мыши ходят на цыпочках.

Я открыла глаза и увидела на подушке записку. Плотная кремовая бумага, печать с чёрным драконом, почерк острый и ровный, как лезвие. «Герцогиня Вейрен приглашена на чай в Зимний сад в четыре часа пополудни. Присутствие обязательно. К.В.»

Я перечитала записку трижды. «Присутствие обязательно» после вчерашней ночи, когда этот человек пил у меня на кухне чай с мёдом и говорил «спасибо», выглядело как плевок в лицо. Или как попытка вернуть всё на привычные места: он дракон, я пленница, и ничего не было.

Что ж, я тоже умею делать вид, что ничего не было. Двенадцать лет в общепите, и не такое переживёшь.

— Он прислал это в шесть утра, — сообщила Мира, когда я вышла к завтраку. Она стояла у камина с подносом и выглядела так, будто всю ночь не спала. — Лакей сказал, что приглашение подписано лично лордом. Госпожа, вы не представляете, что творится в замке.

— Расскажи.

— Все шепчутся, что лорд ночью ушёл из своих покоев и вернулся только к рассвету. Горничная леди Серафины клянётся, что видела его в коридоре у кухни. А кухарка нашла на лавке крошки и кружку, и теперь говорит, что в замке завёлся домовой с хорошим вкусом.

Я подавилась чаем.

— А Серафина?

— Серафина с утра уехала в город. В карете. С Тибором Вельдом.

Я осторожно поставила чашку.

— Кто такой Тибор Вельд?

Мира посмотрела на меня удивлённо:

— Госпожа, вы же его знаете. Советник Совета, давний друг вашей семьи. Он приезжает в Эйрвен почти каждое лето и всегда привозит вам подарки. В прошлом году привёз жемчужное колье.

— Я забыла, — призналась я. — Помнишь, я упала с лестницы? Голова.

— Да, госпожа. Конечно.

Тибор. «Т.» из дневника. Я поставила чашку и почувствовала, как внутри что-то холодеет.

— Опиши мне его, — попросила я.

— Он красивый, госпожа, — задумчиво сказала Мира. — Высокий, светловолосый, всегда улыбается. Очень вежливый. Дамы от него без ума. Говорят, ему сорок, но выглядит на тридцать. И он единственный в Совете, кто всегда здоровается со слугами.

Вот это меня и насторожило. Тот, кто здоровается со слугами, обычно хорошо знает, как они могут пригодиться.

К четырём часам я была в Зимнем саду. Это оказалась огромная стеклянная оранжерея с аркой над входом, увитой плющом, с мраморным фонтаном посередине и дорожками, обсаженными кустами белых роз. Здесь было тепло, пахло землёй и влажным камнем, а сквозь стекло падал мягкий свет серого осеннего дня.

Накрытый стол стоял у фонтана. Фарфор, серебро, лёгкие сэндвичи, пирожные. И один единственный гость, сидящий спиной ко мне.

Он обернулся, и я поняла, что Мира не преувеличивала.

Тибор Вельд был из тех мужчин, на которых оборачиваются на улице. Золотистые волосы, голубые глаза, светлая улыбка, тёплая, как первый день весны. Одет он был дорого

и со вкусом: тёмно-серый камзол, кружевной воротник, перстень с бриллиантом. Он вскочил навстречу мне, сияя.

— Элиана! — воскликнул он. — Дорогая, вы чудесно выглядите! Падение пошло вам на пользу.

— Благодарю, лорд Вельд, — сказала я, позволив ему поцеловать мне руку. Он держал её чуть дольше, чем нужно, и большой палец легко погладил внутреннюю сторону запястья.

Я мягко высвободилась.

— Позвольте, я за вами поухаживаю, — сказал он, отодвигая мне стул. — Каррад не сможет присутствовать, государственные дела, вы же знаете. Он просил меня составить вам компанию.

— Государственные дела, — повторила я. — Как удобно.

— Правда?

— Нет, конечно. Просто интересно, что так быстро стало важнее приглашения, подписанного собственной рукой.

Тибор рассмеялся мягко, музыкально.

— Вы стали острой на язык, милая. Раньше вы мне такого не говорили.

— Раньше я многое не говорила.

— Это правда, — он налил мне чай и придвинул чашку, чуть склонив голову. — Вы стали совсем другой. Мне даже кажется, что мы с вами не знакомы.

Я взяла чашку, но пить не стала. Просто держала, согревая пальцы.

— А мы знакомы?

— Конечно. Я наблюдаю за вами пять лет. С тех самых пор, как отец привёз вас сюда невестой.

Он смотрел на меня внимательно, и в голубых глазах не было ничего, кроме ласки. Но я с детства знала: самые опасные люди улыбаются чаще всех.

— Мой отец, — осторожно сказала я, — часто пишет мне.

— Да, он очень волнуется. Знаете, он просил меня передать вам, что время идёт. — Тибор наклонился чуть ближе и понизил голос до интимного шёпота. — Каррад не молодеет, а Совет скоро будет голосовать. Мы не можем ждать слишком долго.

Холод пополз у меня по спине.

— О чём вы?

— О том самом, милая, — мягко ответил он. — Вы же понимаете. Вам осталось совсем немного. Всё готово, вы всегда были так умны. Одна последняя доза, и ваше пятилетнее заточение закончится. Вы сможете вернуться домой.

Он сказал это так спокойно, так буднично, будто предлагал мне ещё сахару. Я смотрела на его красивое лицо и чувствовала, как внутри что-то обрывается.

Это он. «Т.» из дневника. Тот, кто сказал Элиане: «Завтра всё изменится».

— Я не уверена, что хочу продолжать, — тихо сказала я.

Тибор откинулся на спинку стула. Улыбка не исчезла, но глаза стали холоднее.

— Не хотите?

— После падения я многое переосмыслила.

— Вот как. — Он взял с блюда крошечный сэндвич, повертел в пальцах. — Помните, чем кончаются такие «переосмысления»? Вы пять лет подливали яд собственному мужу, Элиана. Если об этом узнает Совет, вас не просто посадят в башню. Вас сожгут. Это драконье наказание для тех, кто покушается на герцога.

— Тогда зачем вы так рискуете, приходя сюда?

— Потому что я с вами одной крови, — нежно сказал он. — Мы все в одной лодке. Если вы утонете, утонем и мы.

Я заставила себя улыбнуться.

— Мне нужно время.

— Сколько?

— Неделя.

Он задумался, постукивая сэндвичем по краю тарелки.

— Хорошо, — наконец согласился он. — Неделя. Но если через семь дней вы не доложите об успехе, я вынужден буду принять меры. Не из злобы, дорогая. Просто так надо.

За моей спиной зашуршали листья.

— Не помешаю?

Голос был ровный и холодный, как лёд на реке. Я не обернулась. Просто почувствовала, как у меня по спине пробежал озноб.

Каррад стоял на дорожке, между кустов белых роз. Руки за спиной, плечи расправлены, лицо непроницаемое. Он смотрел на нас так, как смотрят на чужие вещи, которые вдруг оказались не на месте.

Тибор вскочил с лёгкостью опытного придворного.

— Каррад! Дорогой друг! Мы как раз о тебе говорили. Элиана рассказывала, как скучала в башне, и я предложил ей прогуляться по саду.

— Я приказал ей быть здесь в четыре, — ровно сказал Каррад. — И попросил тебя составить ей компанию. Не уходить в туман с её руками в своих.

Тибор рассмеялся, раскинув руки.

— Ты ревнуешь? Это великолепно!

— Я не ревную, — сказал Каррад. — Я наблюдаю.

Он подошёл к столу и, не садясь, посмотрел на нас по очереди. Потом на мою нетронутую чашку.

— Ты не пьёшь, — сказал он мне.

— Не хочется.

— Почему?

Я встретила его взгляд. В золотых глазах мелькнуло что-то внимательное, словно он ждал ответа на вопрос, которого не задавал.

— Потому что я не доверяю чаю, который наливает кто-то другой, — сказала я тихо.

Тишина на мгновение стала плотной, как вата.

Тибор рассмеялся, но на этот раз смех прозвучал чуть натянуто.

— Какая подозрительность! Каррад, она у тебя стала совсем осторожной.

— Это полезное качество, — ответил Каррад, не сводя с меня глаз. — Особенно в этом замке.

Он повернулся к Тибору.

— Мне нужно поговорить с женой наедине. Если ты не против.

— Конечно, конечно. — Тибор поклонился с изысканной любезностью. — Элиана, дорогая, обязательно подумайте о нашем разговоре. Неделя пролетит быстро.

Он ушёл, оставив после себя запах дорогого парфюма и ощущение, что я только что сидела рядом с очень красивой змеёй.

Мы остались вдвоём у фонтана. Вода тихо журчала, по стеклу стекали редкие капли.

— Что он тебе сказал? — спросил Каррад.

— Что мы давно знакомы, — осторожно ответила я. — И что я изменилась.

— Это всё?

— Это всё, что я готова повторить вслух.

Он долго смотрел на меня. Потом подошёл ближе, взял со стола мою нетронутую чашку, понюхал содержимое. Лицо его осталось спокойным.

— Просто чай, — сказал он.

— Я не сказала, что в нём что-то есть.

— Но подумала.

— Милорд, — устало сказала я, — я вообще очень много думаю в вашем замке. Это единственное, что мне здесь не запрещено.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Мне доложили, что вчера ночью на кухне кто-то пёк булочки.

— Правда? — невинно сказала я. — Должно быть, домовой.

— Должно быть.

Он поставил чашку на стол.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказал он. — Сегодня вечером. В моём кабинете. Приходи после ужина. Без Миры.

— Приказ?

Он помедлил.

— Просьба.

Я смотрела на него и не могла понять, что чувствую. Это слово звучало в его устах так непривычно, что я даже растерялась.

— Хорошо, — сказала я. — Приду.

Он кивнул и ушёл. Я осталась стоять у фонтана, глядя ему вслед.

А в самом дальнем углу оранжереи, за стеклянной стеной, стояла Серафина с чашкой чая в руках и смотрела на меня. Лицо у неё было каменное. Только пальцы, сжимающие чашку, побелели.

Глава 8. Сделка

В кабинете Каррада горел только камин. Огонь был слабый, дрожащий, с синеватыми языками, и я невольно вспомнила, как вчера он говорил про свой пламень. Раньше этот огонь согревал замок, а теперь едва грел одну комнату.

Каррад сидел за столом, расстегнув верхние пуговицы камзола, с бумагой в руках. Когда я вошла, он не вскочил, как положено вежливому мужчине, но поднял глаза, и в них мелькнуло что-то вроде облегчения. Или мне показалось.

— Садись.

Я села в кресло напротив. Между нами лежал стол, заваленный картами, донесениями, печатями. Но в моей голове сейчас было совсем другое.

— Ты видела Вельда, — сказал Каррад без предисловий. — Что он от тебя хотел?

— Милорд, я уже сказала…

— Ты сказала «всё, что готова повторить вслух». Теперь я прошу рассказать всё.

Я молчала. Перед глазами всплыло лицо Тибора, его нежный голос: «Если вы утонете, утонем и мы». Рассказать? Что я знаю, что он стоит за ядом? Но доказательств у меня никаких. Только слова, и те, сказанные наедине. Любой судья решит, что я пытаюсь свалить вину на другого.

— Он уговаривал меня кое-что сделать, — осторожно сказала я. — Я отказалась.

— Что именно?

— Не могу сказать.

— Почему?

— Потому что вы мне не поверите.

Каррад откинулся на спинку кресла. В неровном свете камина его лицо казалось ещё резче.

— Попробуй.

Я набрала воздуха.

— Милорд, давайте сначала поговорим о другом. О том, зачем я здесь.

— Я рад, что ты сама подняла этот вопрос.

— Мы оба знаем, что я нахожусь в этом замке против воли. Вы держите меня, потому что считаете, что я пыталась вас убить. И, судя по всему, у вас есть для этого основания.

— У меня есть улики, — ровно сказал он. — Флаконы с твоим почерком. Показания лекаря. Записи Ренара о твоих визитах к аптекарю.

— Ладно, допустим, я виновата. Но что вы получаете, держа меня взаперти? Вы узнали что-то новое?

Он помолчал.

— Нет, — признался он наконец. — Ты молчишь пять лет. Ты ничего не говоришь, ни кто тебе помогал, ни откуда яд.

— А если я скажу, что не помню?

— Я скажу, что это очень удобно.

— Согласна. Но это правда. После падения у меня в голове пробел. Иногда я вспоминаю обрывки, лица, голоса. Я не могу сказать, что и как делала, но, возможно, смогу найти.

Я подалась вперёд, опираясь локтями о колени.

— Предлагаю сделку.

Он приподнял бровь.

— Я слушаю.

— Первое. Вам нужно вылечиться. Я не лекарь, но я хорошо разбираюсь в травах и продуктах. Если вы позволите мне привести травника, найти нужные корни и готовить еду по определённой схеме, мы сможем помочь вашему телу вывести остатки яда.

— Мои лекари…

— Ваши лекари пять лет разводили руками. Простите, милорд, но, судя по результатам, они не справились. А я, по крайней мере, не буду делать вид, что всё в порядке.

Он сжал челюсти. Я поспешила продолжить:

— Второе. Мне нужна свобода. Не полная, я понимаю. Но возможность выходить в город с сопровождением. Рынок, травники, продукты. Мне нужно покупать то, что я не найду в замковой кладовой.

— Третье, — подсказал он сухо.

— Третье. — Я глубоко вдохнула. — Когда вы выздоровеете, когда огонь вернётся и вы будете в полной силе, вы подпишете развод и отпустите меня.

Тишина.

Каррад смотрел на меня так долго, что мне захотелось съёжиться в кресле.

— Ты просишь меня помочь тебе уйти.

— Я прошу вас признать, что наш брак был ошибкой для обоих. И что нам лучше разойтись, пока мы не убили друг друга окончательно.

— Ты пыталась убить меня пять лет, — медленно сказал он. — А теперь предлагаешь меня вылечить. Как мне понимать эту перемену?

— Как хотите. — Я пожала плечами. — Можете считать, что мне стало стыдно. Можете считать, что у меня есть план. Можете считать, что я просто хочу выжить. Но, милорд, вы ничего не теряете. Если я вас не вылечу, вы останетесь в том же положении, что и сейчас. Если вылечу, вы получите силу обратно. А если я попытаюсь вас отравить, вы всегда сможете меня сжечь.

Уголок его рта снова дрогнул.

— Ты очень убедительна.

— Спасибо. Это комплимент?

— Это наблюдение.

Он встал, подошёл к камину и остановился, глядя в огонь. Я смотрела на его спину, на широкие плечи под тёмным камзолом, на связанные на затылке чёрные волосы.

— Ренар! — позвал он негромко.

Дверь открылась, и в кабинет вошёл Ренар, ничуть не удивлённый, будто стоял за порогом всё это время.

— Слушал? — сухо спросил Каррад.

— Разумеется. Такие переговоры нельзя пропускать.

— Твоё мнение?

Ренар сел на подлокотник кресла и посмотрел на меня с улыбкой:

— Она права. Лекари тебе не помогли. Мне нравится идея привести травника. Что касается развода, — он пожал плечами, — это твоё решение, друг. Но выглядит справедливо.

— Ты на её стороне?

— Я на стороне здравого смысла. Если ты вылечишься, это хорошо для империи. Если нет, плохо для всех. Остальное неважно.

Каррад провёл рукой по лицу. Я вдруг заметила, как он устал. Не сегодня, а вообще, как человек, который слишком долго держит на плечах тяжёлую ношу.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я принимаю условия. С поправками.

— Слушаю.

— Ты можешь выходить в город. С Борком, моим стражником, и со своей служанкой. Каждый шаг будет под наблюдением. Травника привезёшь, но он будет работать под присмотром лекаря и Ренара. Все лекарства и блюда сначала пробует кто-то другой.

— Справедливо.

— И, — он повернулся ко мне, золотые глаза горели в полумраке, — развод я подпишу только тогда, когда сам решу, что ты достаточно отплатила мне за пять лет. Не раньше.

— Это неопределённый срок.

— Это моё условие.

— А если я захочу уйти раньше?

— Ты не уйдёшь.

— Почему?

— Потому что из этого замка тебя не выпустят. А если выпустят, найдут.

Я встала. Мы стояли друг напротив друга у камина, и расстояние между нами сократилось до вытянутой руки.

— Вы очень уверены, — тихо сказала я.

— Я дракон.

— Я заметила.

— Тогда знаешь, что мы свои вещи не отдаём.

Слово «вещи» ударило по мне, как пощёчина. Я подняла подбородок.

— Я не вещь, милорд.

Он замер. На мгновение в его глазах что-то изменилось, будто он только сейчас услышал свои слова.

— Нет, — сказал он медленно. — Не вещь.

Я ждала продолжения. Он молчал, и я первой отвела взгляд.

— Договорились? — спросила я.

— Договорились.

Он протянул руку. Я смотрела на неё секунду, потом вложила в неё свою. Ладонь у него была горячая и сухая, большая, мозолистая от меча. Его пальцы сомкнулись на моих осторожно, почти бережно, и от этого прикосновения по телу прошла странная волна.

Он тоже что-то почувствовал. Я увидела это по тому, как он чуть втянул воздух и как задержал мою руку на лишнюю секунду.

Ренар за нашими спинами кашлянул.

— Если вы закончили, — сказал он невинно, — могу я предложить выпить за это соглашение? У меня есть бутылка неплохого вина.

Каррад отпустил мою руку.

— Мне вина нельзя, — буркнул он.

— Тогда я выпью за вас обоих. И за здравый смысл.

— Мы с тобой отлично ладим, — сказала я Ренару, и он, подмигнув, налил себе бокал.

Когда я вышла из кабинета, было уже за полночь. Коридор тонул в темноте, где-то далеко капала вода. Я шла медленно, думая о том, что только что сделала.

Я заключила сделку с драконом. Пообещала вылечить его. А сама прячу в потайном ящике шкатулку с ядом и дневник, в котором описано пять лет преступлений. И у меня есть неделя до того, как Тибор Вельд примет «меры».

«Лина, — сказала я себе, — тебе пора начинать соображать быстрее».

В конце коридора мелькнула тень. Я замерла.

— Кто там?

Из-за колонны вышла Серафина. На ней было тёмное платье, волосы распущены, лицо бледное в свете единственной свечи. В руке она держала маленький конверт.

— Герцогиня, — сказала она тихо. — Мне нужно с вами поговорить.

— Время неподходящее.

— Вы думаете, я не знаю, что вы делали у него в кабинете?

— Я думаю, что вы подслушивали.

— Я ничего не слышала. Но видела, как вы вышли оттуда. — Она шагнула ближе. В глазах горел странный огонь, не злоба, а что-то иное. — Элиана, я не знаю, что вы задумали. Но предупреждаю вас: если вы причините ему вред, я вас уничтожу.

Я удивилась.

— Вам не всё равно?

— Что?

— Вам не всё равно, что с ним случится? Я думала, вы любовница. Любовницы не всегда любят.

Серафина побелела.

— Вы ничего не знаете, — прошептала она. — Вы пять лет не видели в нём человека. А я видела.

Она протянула мне конверт.

— Это от вашего отца. Доставили сегодня утром. Я решила, что вам лучше прочитать его, пока Тибор не добрался до вас.

И, не дожидаясь ответа, развернулась и ушла в темноту.

Я стояла с конвертом в руке и смотрела ей вслед. Что-то в её поведении не вписывалось в картину, которую я уже нарисовала. Она не была просто интриганкой. По крайней мере, не только ею.

Я вскрыла конверт. На сложенном вдвое листе стояла одна строка, написанная острым отцовским почерком:

«Ты задерживаешься. У тебя неделя».

Глава 9. Рынок, где пахнет кофе

Первый выход из замка я запомнила на всю жизнь.

Утро выдалось ясное, холодное, с лёгкой дымкой над долиной. Мира дрожала от волнения, сжимая корзинку, будто ей предстояло не поход на рынок, а выступление перед королём. Рядом, на огромном гнедом коне, ехал Борк. Стражник, как я быстро выяснила, был огромным, молчаливым и совершенно непробиваемым. Я попыталась с ним поздороваться, он кивнул. Я спросила, как его зовут, он сказал «Борк». Я спросила, нравится ли ему погода, он сказал «Нет». На этом разговор закончился.

Зато город, раскинувшийся у подножия холма, взорвал мне мозг в самом лучшем смысле.

Он назывался Далмор. Узкие мощёные улочки, дома с островерхими красными крышами, цветочные горшки на подоконниках, развешанное на верёвках бельё. Звон колокольчиков, крики разносчиков, запах жареных каштанов, свежего хлеба и дыма. Я никогда не была в Европе, но представляла её именно такой.

Рынок раскинулся на большой площади перед ратушей. Сотни палаток и лотков, пёстрые навесы, горы овощей, фруктов, рыбы, сыров, тканей. Люди толклись, торговались, смеялись. Когда наш маленький отряд въехал на площадь, шум начал стихать.

Не сразу, а волнами, как рябь на воде. Сначала замолкли ближайшие торговцы. Потом соседние. Потом все.

Я спешилась и почувствовала на себе сотни взглядов. Тяжёлых, настороженных, неприязненных. Старуха в платке сплюнула через левое плечо. Мужчина у лотка с рыбой отвернулся. Две женщины с корзинами перешёптывались, глядя на меня как на привидение.

Мира побледнела.

— Госпожа, может, вернёмся?

— Нет, — сказала я. — Мы пришли за покупками, значит, будем покупать.

Я пошла вперёд. Борк двинулся следом, как молчаливая стена. Люди расступались.

Первый лоток с зеленью. Продавщица, полная женщина с красным лицом, смотрела на меня так, будто я принесла чуму.

— Доброе утро, — сказала я как можно приветливее. — Мне нужны укроп, петрушка и немного свежего базилика, если есть.

Тишина.

— Если у вас есть, — добавила я мягче. — Я заплачу.

Женщина моргнула.

— Вы… покупаете?

— Конечно.

— Сами?

— Сама.

Продавщица посмотрела на Миру, на Борка, снова на меня. Медленно, будто боясь, что это ловушка, протянула пучок укропа.

— Три медяка, — буркнула она.

Я заплатила, добавив ещё один за хлопоты.

— Спасибо. Очень свежий.

Она открыла рот, закрыла и ничего не сказала. Но в глазах её что-то дрогнуло.

Мы шли от лотка к лотку, и атмосфера понемногу менялась. Торговцы по-прежнему смотрели настороженно, но уже без открытой враждебности. Я покупала овощи, зелень, мёд, орехи, спрашивала о ценах, интересовалась сортами. Не ругалась, не требовала скидок, не презирала. Просто вела себя как обычный человек.

К полудню мы набили две корзинки, а вокруг нас собрались любопытные.

— Правда, что герцогиня упала с лестницы? — шепнула девочка лет десяти, прячась за материнской юбкой.

— Правда, — сказала я серьёзно. — Было очень больно.

— И теперь вы добрая?

— Я стараюсь.

Мать девочки дёрнула её за руку и что-то прошипела, но я заметила, что она с любопытством косится на меня.

— А это что у вас? — Я остановилась у лотка в самом углу площади. Здесь торговали южане, смуглые мужчины в пёстрых халатах, с золотыми серёжками в ушах. На прилавке лежали мешочки со специями, связки сушёных трав, горки орехов и в центре большая корзина с тёмными блестящими зёрнами.

Я нагнулась и понюхала.

Запах ударил в голову, как воспоминание. Горький, насыщенный, чуть дымный, с нотой шоколада. Из тех, что наполняют по утрам любое кафе.

— Это кафа, — сказал торговец, заметив мой интерес. — С юга. Жуют её, чтобы не спать. Пять медяков за горсть.

— Жуют?

— Да, госпожа. Горькая, но бодрит.

Я взяла одно зерно, повертела в пальцах. Круглое, жирное, тёмно-коричневое. Без сомнения, кофейные бобы. Они уже были обжарены, пусть и неравномерно.

Вот это да!

В моём мире кофе давно стал обязательной частью утра. А здесь его жуют, как семечки. Я смотрела на корзину и чувствовала, как в голове зарождается идея.

— Сколько у вас этого товара?

— Три мешка, госпожа. Больше никто не берёт.

— Я возьму всё.

Торговец вытаращил глаза.

— Все три?

— Да. Но сначала скажите, как вы их привозите? В каком состоянии? Это уже обжаренные?

— Нет, госпожа. Сырые. Мы сами жарим на костре, перед продажей.

— А если мне привезти ещё? Регулярно?

— Каждый месяц, если закажете. Корабли идут из порта Тэнмар раз в две недели.

— Тэнмар, — повторила я и запомнила название.

Я расплатилась. Борк молча взял два мешка, Мира третий, и мы двинулись дальше. Мира шла, спотыкаясь от тяжести, но глаза у неё горели.

— Госпожа, а зачем вам столько?

— Увидишь, — загадочно сказала я.

Следующая остановка, которую я заранее наметила, была лавка травника. Мира рассказала, что в Далморе есть старый травник по имени Оливер, к которому ходят с самыми странными хворями. Лавка оказалась маленькой, тёмной, пропахшей сухими цветами и корой. Над дверью висел пучок вязаных трав, а на окне сидела жирная серая кошка.

За прилавком стоял седой сгорбленный старик с очками на кончике носа. Он сортировал что-то в ящичках и, услышав звон колокольчика, поднял голову.

— Чем могу…

Он замолчал, глядя на меня. Очки сползли ещё ниже.

— Герцогиня Вейрен, — наконец сказал он глухо.

— Здравствуйте, Оливер. Мне сказали, что вы лучший травник в городе.

— Лучший, — подтвердил он без ложной скромности. — Вы за чем? Опять за этим… — Он осёкся.

— Опять? — я насторожилась.

— Вы же раньше приходили, — сказал он осторожно. — Года два назад. Покупали корень чёрной вербены и сок бледной тени.

Мира за моей спиной тихо охнула.

Внутри у меня похолодело. Значит, Элиана покупала яд здесь, в городе, и Оливер её помнит. Вот он, свидетель. Если он расскажет Карраду, мне конец.

— Я не помню, — сказала я как можно спокойнее. — После падения многое стёрлось. Оливер, мне нужна ваша помощь. Очень серьёзная.

Старик снял очки, потёр переносицу.

— Какая помощь?

— Мне нужно вылечить человека, которого отравили. Отравили медленно, годами. Я не знаю точно чем, но знаю название: «слабость крови». Три капли на кубок, раз в неделю.

В лавке стало очень тихо. Кошка на окне перестала вылизываться.

— Вы в этом участвовали, — тихо сказал Оливер.

— Я не буду отрицать. Но сейчас я хочу исправить то, что можно исправить. Скажите, вы можете помочь?

Старик долго молчал. Потом подошёл к двери, закрыл её на засов и перевернул табличку на «Закрыто».

— Госпожа, — сказал он медленно. — Я не знаю, что с вами случилось. Но вы стали другой. И я скажу вам правду, потому что давно хотел её сказать. Я не продавал вам «слабость крови».

— Что?

— Эту смесь составил не я. Я продавал вам вербену, это правда, но из неё можно приготовить сотню вещей, от чая до мази. «Слабость крови» не продаётся в обычных лавках. Это редкое снадобье из северных земель. Тот, кто его делал, был очень хорош.

— Тот, кто его делал? Вы знаете кто?

— Нет. Но знаю, что в вашем замке был человек, который покупал у меня самые редкие компоненты для этой смеси. Не вы. Другой.

Я наклонилась через прилавок.

— Кто?

Оливер отвёл глаза.

— Не могу сказать. Это опасно.

— Оливер…

— Госпожа, — он поднял на меня взгляд, и в старческих глазах мелькнул страх, — тот человек очень влиятельный. Если я назову имя, меня найдут.

— Я могу вас защитить.

— Вы? — Он грустно улыбнулся. — Простите, но вы сами на волоске.

Я замолчала. Он был прав.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда скажите хотя бы, как лечить.

Он подумал.

— Корень белой горечавки, — сказал он наконец. — Настой из семян расторопши, овсяный отвар, много воды. И запрет на мясо, жирное, острое. Это очистит печень. Но если яд сидит в крови пять лет, потребуется время. Месяцы.

— Это то, что мне нужно, — выдохнула я. — Напишите, пожалуйста. И приезжайте в замок. Я попрошу, чтобы вас допустили.

— Не поеду, — быстро сказал Оливер. — Не хочу попадаться на глаза.

— Тогда я буду приезжать к вам.

— Госпожа…

— Оливер, пожалуйста. Мне больше не к кому идти.

Старик долго смотрел на меня, потом вздохнул и достал из-под прилавка лист бумаги.

— Хорошо. Но вы приходите одна, без стражника. Хотя бы Мира пусть остаётся, ей я доверяю.

— Договорились.

Он начал писать, медленно, выводя каждую букву. Я смотрела на его скрюченные пальцы и думала, что, возможно, нашла первого настоящего союзника.

Выйдя из лавки, мы столкнулись с Борком, который стоял у входа, скрестив руки на груди.

— Долго, — буркнул он.

— Травник был очень подробный, — сказала я.

— Угу.

Мы пошли обратно через площадь. Солнце клонилось к закату, торговцы сворачивали палатки. Я несла в руках бумагу с рецептами, и на душе у меня было странно легко. Я не знала, что делать с Тибором, не знала, кто «Т.», не знала, что ждёт меня через неделю. Но у меня был план. Вылечить дракона. Выжить. Выбраться.

И, возможно, открыть кофейню.

Эта мысль пришла сама собой и вдруг показалась не такой уж безумной.

— Госпожа, — тихо сказала Мира, ступая рядом. — За нами кто-то следит.

Я не повернула головы.

— Где?

— Серый плащ. У колонны, возле фонтана. Он ходит за нами с самого рынка.

Я осторожно скосила глаза. Невысокий человек в сером дорожном плаще, с капюшоном, надвинутым на глаза, стоял у фонтана, делая вид, что рассматривает витрину. Лица не разглядеть.

— Борк, — спокойно сказала я. — Нас преследуют.

Стражник, не меняя выражения лица, чуть повернул голову.

— Знаю. С рынка.

— И ничего не сделали?

— Приказа не было.

— Теперь есть, — сказала я. — Пожалуйста.

Борк кивнул, и огромная фигура двинулась через площадь. Человек в сером плаще, заметив это, вздрогнул, развернулся и нырнул в переулок.

Борк постоял на месте, потом вернулся.

— Ушёл, — коротко сказал он. — Но пахнет замком.

— В смысле?

— Духи. Такие же, как у леди Серафины.

Я замерла.

Мы вернулись в Эйрвен, когда уже темнело. Каррад стоял на крыльце, прислонившись к колонне, с бесстрастным лицом. Он смотрел на меня, потом на мешки, потом снова на меня.

— Что это? — спросил он, кивнув на мешок с кафой.

— Ингредиенты, — ответила я.

— Для чего?

Я улыбнулась, впервые за день по-настоящему.

— Для вашего выздоровления, милорд. И, возможно, для кое-чего ещё.

Он смотрел на меня, и в золотых глазах мелькнуло любопытство, смешанное с чем-то тёплым.

— Ты довольна.

— Очень.

— Почему?

— Потому что на рынке пахнет жизнью, — сказала я просто. — А у вас в замке пахнет камнем и холодом. Но это можно исправить.

Он хотел что-то ответить, но вдруг на мгновение замер и повёл головой, как зверь, вдыхающий воздух.

— Ты пахнешь кафой, — медленно сказал он. — Откуда ты знаешь этот запах?

Я осеклась. В этом мире кофе не пили, значит, откуда герцогиня должна знать запах?

— Мне просто понравился, — быстро сказала я.

— Странно, — сказал он. — Мой отец пил этот напиток. Он привозил кафу с юга. Я не вспоминал об этом двадцать лет.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Приготовь мне когда-нибудь, — сказал он тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.